Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-132-135

ПОЛЯНСКИЙ С.В.,
Тольяттинский государственный университет,
Тольятти, Россия,
тел.: +7-999-171-91-04,
e-mail: polyanski064@yandex.ru

РАЗГРАНИЧЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОБЩЕУГОЛОВНОГО МОШЕННИЧЕСТВА: КРИТЕРИИ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. *В статье сопоставляются признаки общеуголовного мошенничества (ч. 1–4 ст. 159 УК РФ) и его специального состава, связанного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ). Показано, что базовые криминообразующие признаки хищения — противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества, обман или злоупотребление доверием, прямой умысел на завладение — сохраняются и в специальном составе, но приобретают дополнительную специфику: субъектный состав, сферу совершения деяния и особый механизм причинения ущерба через договорную конструкцию. На основе анализа позиций Верховного Суда РФ и материалов судебной практики выделены три проблемных узла: критерий реальной предпринимательской деятельности, разграничение предпринимательского риска и умысла на хищение, квалификация действий с использованием фиктивных юридических лиц. Обосновывается предложение о необходимости дальнейшей конкретизации разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.*

Ключевые слова: *мошенничество, предпринимательская деятельность, общеуголовное мошенничество, критерии хищения, преднамеренное неисполнение обязательств, предпринимательский риск, фиктивное юридическое лицо, квалификация преступлений.*

POLYANSKIY S.V.,
Togliatti State University,
Togliatti, Russia

DISTINGUISHING BETWEEN FRAUD IN BUSINESS ACTIVITIES AND GENERAL CRIMINAL FRAUD: CRITERIA AND CHALLENGES IN LEGAL CLASSIFICATION

Annotation. *The article compares the features of general criminal fraud (parts 1–4 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation) and its special composition related to deliberate non-fulfillment of contractual obligations in the sphere of entrepreneurial activity (parts 5–7 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation). It is shown that the basic criminogenic features of embezzlement — illegal gratuitous seizure of another's property, deception or abuse of trust, direct intent to take possession — are preserved in the special composition, but acquire additional specificity: subject composition, sphere of commission of the act and a special mechanism of causing damage through a contractual structure. Based on the analysis of the positions of the Supreme Court of the Russian Federation and materials of judicial practice, three problematic nodes are identified: the criterion of real entrepreneurial activity, the distinction between entrepreneurial risk and intent to embezzle, qualification of actions using fictitious legal entities. The proposal on the need for further concretization of explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation is substantiated.*

Key words: *fraud, entrepreneurial activity, general criminal fraud, criteria of embezzlement, deliberate non-fulfillment of obligations, entrepreneurial risk, fictitious legal entity, qualification of crimes.*

Специальный состав мошенничества, связанного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, был введён первоначально как ст. 159.4 УК РФ, а после её признания Конституционным Судом РФ не соответствующей Конституции — в 2016 г. перемещён в ч. 5–7 ст. 159 УК РФ [3]. Цель дифференциации очевидна: учесть рисковый характер бизнеса, оградить добросовестных предпринимателей от уголовного преследования за обычные договорные срывы и одновременно не допустить ухода от ответственности под видом гражданско-правовой сделки [6]. Однако дифференциация породи-

ла обратную проблему. Санкции по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ заметно мягче, чем по общим положениям о мошенничестве, а криминообразующие пороги крупного и особо крупного ущерба существенно выше — 4,5 млн и 18 млн рублей соответственно. В результате ошибка в квалификации означает не просто неточность в юридической оценке, а принципиально разный объём уголовной репрессии. Именно поэтому вопрос о критериях разграничения двух составов остаётся одним из наиболее дискуссионных в доктрине и правоприменении [1]. Замечание руководителя о необходимости рассмотреть критерии общеуголовного мошенничества и соотнести их с особенностями предпринимательского мошенничества представляется методологически верным: разграничение невозможно без предварительного ответа на вопрос, что именно в специальном составе сохраняется от общего, а что — изменяется. Целью настоящей работы является сопоставление указанных критериев и выработка предложений по совершенствованию правоприменительной практики.

Легальное определение мошенничества (ч. 1 ст. 159 УК РФ) включает противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества путём обмана или злоупотребления доверием. Таким образом, общеуголовное мошенничество конструируется вокруг механизма хищения через обман: потерпевший передаёт имущество под влиянием заблуждения, а виновный изначально не намерен предоставлять встречное исполнение. Специальный состав не отменяет этот механизм, а лишь указывает, в какой сфере и при каком субъектном составе он реализуется.

Согласно примечанию 2 к ст. 159 УК РФ и п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ, специальной нормы. Именно эти два дополнительных признака и порождают основные практические трудности.

Суды последовательно указывают, что квалификация по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ возможна лишь тогда, когда мошенничество совершено в процессе реальной, законной предпринимательской деятельности, а не под её видом [1]. Если лицо лишь формально обладает статусом предпринимателя, используя его исключительно как инструмент для завладения чужим имуществом, специальный состав не применяется — содеянное квалифицируется по общим положениям ст. 159 УК РФ. Однако содержание категории «реальная предпринимательская деятельность» остаётся недостаточно определённым. В практике встречаются два подхода. Первый — формальный: суд ограничивается констатацией наличия у лица статуса индивидуального предпринимателя или руководителя организации. Второй — содержательный: требуется доказать, что деятельность носила системный характер, была направлена на извлечение прибыли и соответствовала признакам, закреплённым в п. 1 ст. 2 ГК РФ. Представляется, что второй подход является более обоснованным. Показательно, что при решении вопроса об отграничении необходимо качественно сопоставлять сферу, в которой фактически осуществлялась хозяйственная деятельность лица, и сферу, в которой ему вменяется мошенничество [4]. Если, например, предприниматель занимался оказанием юридических услуг, а хищение совершил под видом договоров займа, не связанных с его основной деятельностью, квалификация по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ исключена.

Предпринимательская деятельность по своей природе рискова. Неисполнение договорного обязательства может быть вызвано объективными экономическими причинами — изменением конъюнктуры, недобросовестностью контрагентов, ошибками в планировании. В доктрине справедливо отмечается, что риск, даже если он привёл к неисполнению обязательств, не может отождествляться с преступным умыслом [7]. Ключевой критерий разграничения — момент возникновения умысла на неисполнение договорного обязательства. Умысел, направленный на хищение.

Отдельный узел проблем — квалификация действий лиц, использующих фиктивно образованные юридические лица или фиктивно зарегистрированных индивидуальных предпринимателей. Согласно разъяснениям, нельзя квалифицировать по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ случаи мошенничества в процессе деятельности фиктивно образованного юридического лица [4]. В таких ситуациях содеянное подлежит квалификации по общим положениям ст. 159 УК РФ, а при наличии признаков — по совокупности со ст. 173.1 УК РФ. Этот подход логичен: если организация создана не для осуществления реальной хозяйственной деятельности, а как подготовительный этап к совершению преступлений, предпринимательская деятельность как таковая отсутствует. Однако на практике суды не всегда последовательны. Встречаются решения, где формальное наличие статуса индивидуального предпринимателя или директора организации воспринимается как достаточное основание для применения специальной нормы, без исследования вопроса о том, осуществлялась ли деятельность реально. Такая фетишизация формального статуса приводит к необоснованному смягчению ответственности [2].

Дополнительный аспект проблемы связан с соотношением предпринимательского мошенничества и смежного состава причинения имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ). В отличие от мошенничества, при причинении имущественного ущерба отсутствует признак хищения: виновный не изымает имущество, а лишает потерпевшего возможности получить ожидаемое. Если лицо, обладающее статусом предпринимателя,

путём обмана уклоняется от исполнения договорного обязательства, но при этом не завладевает имуществом потерпевшего, а лишь причиняет ему убытки, содеянное может квалифицироваться по ст. 165 УК РФ. Судебная практика исходит из того, что при разграничении необходимо устанавливать, была ли направленность умысла на безвозмездное изъятие имущества или на причинение ущерба без такового [5]. Это разграничение имеет значение и для специального состава: если предприниматель, получив предоплату, не исполняет обязательство и не возвращает средства, но при этом не имел умысла на хищение, а действовал в условиях риска, возможна квалификация по ст. 165 УК РФ либо отсутствие состава преступления. Таким образом, специальный состав мошенничества не поглощает все случаи недобросовестного поведения в предпринимательской сфере, а требует тщательного установления направленности умысла.

Кроме того, требует уточнения вопрос о том, как оценивать «реальность» предпринимательской деятельности при отсутствии прибыли или при убыточности бизнеса. Формальный подход, при котором наличие статуса индивидуального предпринимателя автоматически влечёт применение ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, противоречит смыслу специального состава: предпринимательская деятельность может быть убыточной, но это не превращает её в фиктивную. Содержательный подход, напротив, позволяет учитывать объективные экономические условия и не вменять предпринимателю преступление за добросовестное, хотя и неудачное ведение бизнеса. Представляется, что при оценке реальности деятельности следует ориентироваться на совокупность признаков: наличие фактических хозяйственных операций, использование ресурсов, исполнение иных обязательств, отсутствие признаков создания организации исключительно для совершения преступления. Такой подход согласуется с позицией Конституционного Суда РФ, указавшего на необходимость отграничения преступного поведения от правомерной предпринимательской деятельности [3].

Сопоставление критериев позволяет выстроить следующую картину. Механизм хищения в обоих составах совпадает. Сфера совершения в предпринимательском мошенничестве ограничена отношениями между субъектами предпринимательской деятельности. Субъект в специальном составе особый — индивидуальный предприниматель или член органа управления коммерческой организации. Способ в предпринимательском мошенничестве сопряжён с умышленным неисполнением договорного обязательства. Пороги крупного и особо крупного ущерба для специального состава существенно выше. При этом критерий момента возникновения умысла остаётся единым для обоих составов. Как видно, специальный состав не создаёт нового механизма хищения — он сужает сферу применения общего состава за счёт дополнительных признаков. Это означает, что при сомнении в наличии хотя бы одного из дополнительных признаков должна применяться общая норма. Такой подход соответствует и позиции Конституционного Суда РФ, указавшего, что специальные составы применяются только при наличии признаков хищения, умышленного неисполнения договорных обязательств исключительно в сфере предпринимательства и специального субъекта [3].

Проведённое сопоставление позволяет сформулировать несколько выводов. Разграничение общеуголовного и предпринимательского мошенничества не может строиться на противопоставлении «хищение — не хищение». Оба состава предполагают хищение путём обмана. Различие лежит в дополнительных признаках: сфере совершения, субъектном составе и связи деяния с договорным обязательством. Ошибка в квалификации возникает тогда, когда правоприменитель либо преувеличивает значение формального статуса, либо, напротив, игнорирует содержательные критерии реальной деятельности.

Категория «реальная предпринимательская деятельность» нуждается в законодательной или разъяснительной конкретизации. Представляется целесообразным дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 указанием на признаки, исключающие фиктивный характер деятельности: наличие операционной деятельности до заключения спорного договора, фактическое исполнение иных обязательств, наличие ресурсов (персонал, основные средства, лицензии), систематичность хозяйственных операций.

Критерий момента возникновения умысла также требует дальнейшей конкретизации. Наконец, заслуживает обсуждения предложение об унификации порогов крупного и особо крупного ущерба для ч. 5–7 ст. 159 УК РФ и иных специальных составов мошенничества. Существующий разрыв в порогах создаёт стимулы к искусственной подгонке деяния под предпринимательскую сферу, что подрывает принцип справедливости.

Список литературы:

[1] Князьков А.А. Как разграничить общеуголовное и предпринимательское мошенничество: анализ судебной практики // Уголовный процесс. 2026. № 3. С. 3–18.

[2] Конституционный Суд РФ не нашёл правовой неопределённости в критериях мошенничества в предпринимательской сфере // Уголовный процесс. 2025. 15 июля. URL: https://www.ugpr.ru/news/8901-ks-ne-nashel-pravovoy-neopredelennosti-v-kriteriyah-moshennichestva-v-predprinimatelskoy (дата обращения: 17.09.2026).

[3] Лопашенко Н.А. Преступления в сфере

экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ. В 2 ч. Ч. 1. М.: Юрлитинформ, 2015. 335 с.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (ред. от 15.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 17.09.2026).

[5] Ткачев И.О. Спорные вопросы уголовной ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (45). С. 10–22.

[6] Эриашвили Н.Д., Луценко Е.П. Предпринимательский риск или мошенничество // Государственная служба и кадры. 2024. № 2. С. 167–171.

[7] Яни П.С. Вопросы квалификации мошеннического обмана суда // Законность. 2024. № 1, 2. С. 38–45.

References:

[1] Knyazkov A.A. How to Distinguish Between General Criminal Fraud and Fraud in the Sphere of Entrepreneurial Activity: An Analysis of Judicial Practice // Criminal Procedure (Ugolovny protsess). 2026. No. 3. pp. 3–18.

[2] The Constitutional Court of the Russian Federation Finds No Legal Uncertainty in the Criteria for Fraud in the Sphere of Entrepreneurial Activity // Criminal Procedure (Ugolovny protsess). July 15, 2025. URL: https://www.ugpr.ru/news/8901-ks-ne-nashel-pravovoy-neopredelennosti-v-kriteriyah-moshennichestva-v-predprinimatelskoy (accessed: September 17, 2026).

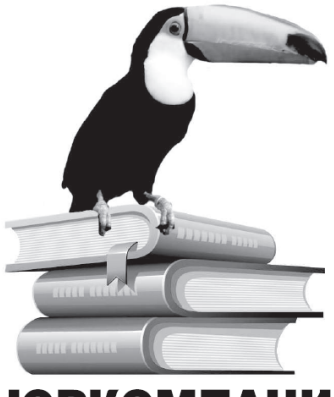
[3] Lopashenko N.A. Crimes in the Sphere of Economic Activity: Theoretical and Applied Analysis. In 2 parts. Part 1. Moscow: Yurlitinform, 2015. 335 p.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 dated November 30, 2017, «On Judicial Practice in Cases Involving Fraud, Misappropriation, and Embezzlement» (as amended on December 15, 2022) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (accessed: September 17, 2026).

[5] Tkachev I.O. Controversial Issues Regarding Criminal Liability for Fraud in the Sphere of Entrepreneurial Activity // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2018. No. 3 (45). pp. 10–22.

[6] Eriashvili N.D., Lutsenko E.P. Entrepreneurial Risk or Fraud // Public Service and Personnel. 2024. No. 2. pp. 167–171.

[7] Yani P.S. Issues Regarding the Legal Classification of Deception of a Court Constituting Fraud // Legality (Zakonnost). 2024. Nos. 1, 2. pp. 38–45.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru